

А.Б. Галкин

Акакий Акакиевич

АКАКАИЙ АКАКИЕВИЧ БАШМАЧКИН — герой повести Н.В. Гоголя «Шинель» (1839–1842; первоначальная черновая редакция под названием «Повесть о чиновнике, крадущем шинели»). Литературные прототипы образа Акакия Акакиевича: отец Горио, полковник Шабер О. Бальзака (подобно Акакию Акакиевичу, они робки, смиренны, косноязычны), Квазимодо из романа В. Гюго «Собор Парижской богородицы», Евсей Лиров («Бедовик» В. Даля), Кузьма Мирошев («Кузьма Петрович Мирошев» М. Загоскина), Ансельм («Золотой горшок» Гофмана). Страсть к переписыванию у Акакия Акакиевича напоминает пристрастие самого Гоголя. Мифологический источник образа Акакия Акакиевича: «Житие 40 Севастийских мучеников», в число которых входил святой Акакий; в 320 г. в Армении они добровольно приняли мученичество за исповедание Христа, содрав с себя одежды и замерзнув во льду Севастийского озера. Акакий Акакиевич, наряду с пушкинским Самсоном Выриным («Станционный смотритель»), открывает тип так называемого маленького человека. Позднее гоголевскую типологию ярко продолжил Ф. Достоевский, создавая образы Макара Деушкина («Бедные люди») и Мармеладова («Преступление и наказание»). В творчестве Гоголя образ Акакия Акакиевича соотносится, с одной стороны, с образом робкого и косноязычного Ивана Федоровича Шпоньки, с другой — с образом капитана Копейкина (мотив столкновения с генералом и трансформация «маленького человека» в разбойника-мстителя).

Фамилия Башмачкин, произошедшая от башмака, комически обыгрывается Гоголем; повествователь якобы пребывает в законном недоумении по поводу столь абсурдной генеалогии Акакия Акакиевича: «И отец, и дед, и даже шурин (брат жены, но Акакий Акакиевич, как известно, не женат), и все совершенно Башмачкины ходили в сапогах, переменяя только раза три в год подметки». В сочетании с фекальной символикой имени и отчества — Акакий Акакиевич — фамилия Башмачкин приобретает двусмысленно-пародийное звучание, подчеркивая внешнюю невзрачность облика Акакия Акакиевича, привыкшего ощущать себя на месте в самом низу социальной иерархической лестницы. Отсюда возможная символическая интерпретация фамилии Башмачкин в качестве знака «низшего телесного плана» как проявление ущербности, ибо башмак — метафора бренного материального мира или, согласно философу Сковороде, идеи которого, вероятно, оказали влияние на мировоззрение Гоголя, подошва есть фигура праха. Башмак, таким образом, ассоциируется с темой смерти Акакия Акакиевича и скрыто предвещает ее фатальную неизбежность.

Портрет Акакия Акакиевича рисуется Гоголем подчеркнуто незавершенным, недооволаженным, иллюзорным; целостность Акакия Акакиевича должна быть впоследствии восстановлена с помощью шинели. Рождение Акакия Акакиевича выстраивает модель алогичного и грандиозно-космического гоголевского мира, где действуют не реальные время и пространство, а поэтическая вечность и человек перед лицом Рока. Вместе с тем это рождение является мистическим зеркалом смерти Акакия Акакиевича: только что родившая Акакия Акакиевича мать именуется Гоголем «покойницей» и «старухой», сам Акакий Акакиевич «сделал такую гримасу», будто предчувствовал, что будет «вечным титулярным советником»; крещение Акакия Акакиевича, происходящее сразу же после рождения и дома, а не в церкви, скорее напоминает отпевание покойника, нежели крестины младенца; отец Акакия Акакиевича тоже оказывается как бы вечным покойником («Отец был Акакий, так пусть и сын будет Акакий»).

Способ существования Акакия Акакиевича допускает возможность крайне противоположных литературоведческих трактовок: от категоричной оценки Чернышев-

ского («совершенный идиот») до сопоставления Акакия Акакиевича с возвышенным образом святого мученика Акакия (В. Маркович).

Ключом к образу Акакия Акакиевича является скрытое гоголевское противопоставление «внешнего» и «внутреннего» человека. «Внешний» — косноязычный, невзрачный, глуповатый переписчик, не способный даже «переменить кое-где глаголы из первого лица в третье», хлебающий с мухами свои щи, «вовсе не замечая их вкуса», покорно терпящий издевательства чиновников, сыплющих «на голову ему бумажки, называя это снегом». «Внутренний» человек как будто говорит нетленное: «Я брат твой». В мире вечном Акакий Акакиевич — аскет-подвижник, «молчальник» и мученик; уединившись от соблазнов и греховных страстей, он осуществляет миссию личного спасения, на нем как будто лежит знак избранничества. В мире букв Акакий Акакиевич обретает счастье, наслаждение, гармонию, здесь он полностью доволен своим жребием, ибо осуществляет служение Богу: «Написавшись всласть, он ложился спать, улыбаясь при мысли о завтрашнем дне: что-то Бог пошлет переписывать завтра?» Внутренний мир Акакия Акакиевича метафорически уподобляется книге, а сам Акакий Акакиевич — букве, поэтому вместо улиц Акакий Акакиевич видит «ровным почерком выписанные строки». (С. Гончаров)

Петербургский северный мороз становится дьявольским соблазном, какой Акакий Акакиевич не в силах преодолеть (старая шинель, издевательно называемая чиновниками капотом, прохудилась). Портной Петрович, наотрез отказываясь подновлять старую шинель Акакия Акакиевича (ср. евангельские слова Христа: «никто к ветхой одежде не приставляет заплат из небеленой ткани, ибо вновь пришитое отдерет от старого, и дыра будет еще хуже» (Матф.; 9:16)), выступает в роли демона-искусителя. Вместе с тем Петрович также предстает «в двусмысленном амплуа некой могущественной парки, шьющей новый образ и новую жизнь для Акакия Акакиевича» (М. Вайскопф). Новенькая шинель, в которую облачается Акакий Акакиевич, символически означает как евангельскую «ризу спасения», «светлые одежды», так и женскую ипостась его личности, восполняющую его неполноту: шинель — «вечная идея», «подруга жизни», «светлый гость». Аскета и затворника Акакия Акакиевича охватывает любовный пыл и греховная горячка. Впрочем, шинель оказывается любовницей на одну ночь, заставляя Акакия Акакиевича совершить ряд непоправимых роковых ошибок, выталкивая его из блаженного состояния замкнутого счастья в тревожный внешний мир, в круг чиновников и ночной улицы. Акакий Акакиевич, таким образом, предает в себе «внутреннего» человека, предпочтя «внешнего», суетного, подверженного людским страстям и порочным наклонностям. Акакий Акакиевич становится как все. Пагубная мысль о теплой шинели и ее приобретение резко меняют весь образ жизни и характер Акакия Акакиевича. Он едва не допускает ошибки во время переписывания. Ломая свои привычки, соглашается пойти на вечеринку к чиновнику. В Акакии Акакиевиче, больше того, просыпается ловелас, устремляющийся в погоню за дамой, «у которой всякая часть тела была исполнена необыкновенного движения». Акакий Акакиевич пьет шампанское, объедается «винегретом, холодной телятиной, паштетом, кондитерскими пирожками». Он изменяет даже любимому делу, и расплата за измену своему поприщу не замедлила его настичь: грабители «сняли с него шинель, дали ему пинка коленом, и он упал навзничь в снег и ничего уж больше не чувствовал». Акакий Акакиевич теряет всю свою тихую кротость, совершает несвойственные его характеру поступки, он требует от мира понимания и помощи, активно наступает, добивается своего. Так, Акакий Акакиевич кричит будочнику, «что он спит и ни за чем не смотрит, не видит, как грабят человека», пугает хозяйку квартиры «страшным стуком в дверь», отправляется к частному приставу. Единственный раз в жизни Акакий Акакиевич пропускает присутствие. По совету чиновников Акакий Акакиевич отправляется к «значительному лицу». Столкновение с генералом происходит как раз тогда, когда Акакий Акакиевич перестает быть «внутренним» человеком. Генерал, распекающий Акакия Акакиевича за бунтарство, ибо тот усомнился в надежности секре-

тарей, символизирует грозный суд Божий. Сразу после угрожающего вопля «значительного лица» Акакия Акакиевича «вынесли почти без движения». Курьезное происшествие, случившееся с мелким чиновником, обретает у Гоголя черты космического катаклизма, судьба Акакия Акакиевича — судьба человека вообще перед лицом Бога, вселенной. Акакий Акакиевич предстает подобным Иову, а его смерть приравнивается к библейскому несчастью, какое «обрушивалось на царей и повелителей мира». Метонимически отделившаяся от Акакия Акакиевича шинель видится ему то «с какими-то западнями для воров», спрятавшихся под кроватью Акакия Акакиевича и в его одеяле, то старым капотом. После смерти Акакий Акакиевич меняется со «значительным лицом» местами и в свою очередь осуществляет Страшный Суд, где нет места рангам и званиям, и генерал и титулярный советник одинаково держат ответ перед Высшим Судией. Акакий Акакиевич является по ночам зловещим призраком-мертвецом «в виде чиновника, ищущего какой-то утащенной шинели». Успокоился и исчез призрак Акакия Акакиевича только тогда, когда ему под руку попало «значительное лицо», справедливость как будто восторжествовала, Акакий Акакиевич словно осуществил грозное Божье наказание, облекся в генеральскую шинель, обретя призрачное «поприще» за гробом.